

Игорь Орлав

СТАНЦИЯ ДЕВЯТИ ГОЛОСОВ

КодМЫ

Научная фантастика

Игорь Орлав

Станция девяти голосов

«Автор»

2026

Орлав И.

Станция девяти голосов / И. Орлав — «Автор», 2026

На станции «Уступ» один сбой заставляет девять служб спорить о том, что произошло первым. Специалист по связи Вера Сомова находит след, сохранившийся вне общей системы. Чтобы проверить его, нужен холод, от которого зависит живая ферма. Каждый опыт меняет не только приборы, но и саму породу под станцией. Пока приближается фаза сжатия спутника, девяти специалистам предстоит договориться о цене следующего шага — и научиться вовремя останавливаться.

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Лишняя секунда	5
2. Рабочая версия	8
3. Без общего времени	11
4. Маленькая сцена	14
5. Восемнадцать минут	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Игорь Орлав

Станция девяти голосов

1. Лишняя секунда

Вера поймала отвёртку за самое жало, прежде чем та ушла под решётку пола. Рукоятка ещё покачивалась у неё в ладони, когда в наушнике дважды щёлкнуло. Между щелчками кто-то успел коротко вдохнуть.

На экране приёмника белая черта распалась на девять тонких полос. Каждая начиналась своей маленькой ступенью; потом они сходились, будто их стянули ниткой. Вера глянула на часы. Последняя цифра задержалась и прыгнула сразу через одну.

— Лев, у тебя сейчас секунда пропала?

— У меня прибавилась, — ответил он. — Ничего не перезапускай.

Она поставила отвёртку в мягкий карман, где инструмент полагалось держать с самого начала, и прижала к экрану палец. Запись замерла. Из соседней ячейки выползло следующее сообщение: опора один, расхождение показаний. Затем пришло ещё одно, уже от энергетиков.

— Вера, — сказала Дина, — я вам сколько отдала?

— В пределах заявки.

— Счётчик нарисовал вдвое больше. Сам ток ровный. Сейчас оставляю местный контроль, вашу цифру не беру.

Дина отключилась раньше, чем Вера успела спросить про форму сбоя. На «Уступе» вопросы, не нужные для ближайшего действия, обычно ждали. Станция стояла на шести буровых опорах над впадиной Тессы; всё, что люди называли своим утром, вращалось вокруг неподвижной лаборатории в жилом ободке. За стеной измерительной комнаты шуршала щётка уборщика. Уборщик остановился, подумал и поехал обратно, ещё раз очищать тот же метр.

Вера сняла наушник с одного уха. Через перегородку негромко стучали: два удара, пауза, два. Это Ася проверяла дозатор воды. Когда он был исправен, ничего стучать не требовалось.

— Пропустил порцию, — объяснила Ася, выглянув в дверь. — Воду не потеряли. Лоток сухой. Ты не знаешь, почему он решил, что уже налил?

— Пока нет. Сохрани местный журнал.

— Уже. И кружку тоже сохранила. Пустую.

Вера невольно улыбнулась. У Аси на щеке лежала полоса от уплотнительной маски, хотя смена только началась. Ночью меняли сливную кассету, и водный цикл с утра казался Асе предметом слишком личным, чтобы принимать его странности спокойно.

Следующим вызвался Павел. В общей медицинской телеметрии у работницы с внешнего ремонтного поста на миг сошлись две записи разных суток. Павел сам сходил к ней, проверил автономный прибор и вернулся раздражённый.

— Человек допивает чай, — сообщил он. — Местный датчик показывает обычное состояние. Общую картинку я убрал с поста. Скажи, когда ей можно будет верить.

Вера отметила время сообщения на полях. Отметка получилась такая же, как у дозатора и счётчика Дины. Она свернула окна, оставив девять полос, и включила исходную запись без обработки. Щелчки стали тише. Вдоха между ними больше не было: его дорисовал слух.

В коридоре затопали тяжёлые шаги. Тимур нёс под мышкой плоский ящик с укропом, который выращивал отдельно от основных пищевых культур. Зелень пахла так сильно, словно ящик и был причиной всего происшествия.

— У тебя пульсирует свет, — сказала Вера, кивнув на отражение за его спиной.

— Уже нет. Перевёл галерею на местный режим. У третьей колонны освещение два раза начало один и тот же такт. Растения пока не возражали, но я возражаю.

Он поставил ящик на пустую тумбу, загорая кнопкой вызова.

— Не двигай. Там стебли после подрезки. В кухне жарко, у меня сейчас проверяют воздуховод.

У Тимура было широкое лицо, бритая голова и тёмная борода, короткая настолько, что Вера всегда замечала её лишь при ярком свете. На зелёном локте его серого комбинезона засохло белое пятно питательной смеси. Он посмотрел на её экран, не наклоняясь ближе.

— Это сколько продлится?

— Не знаю.

— Тогда я пока считаю освещение вручную.

Нина позвонила, когда Тимур уже ушёл. У теплоотвода перемигнулись два положения распределительного клапана: оба значились открытыми, хотя физически открывался только один. Она приложила к корпусу стетоскоп, свой старый рабочий, и услышала ровный шум.

— Холод ходит, куда положено. Автоматика на местном управлении. Если соберёте всех говорить, сначала пришлите кого-нибудь поддержать мне фонарь.

— Монокуляр?

— Фонарь, Вера. В темноте монокуляром темноту и видишь.

Вера отправила к ней свободного техника. От девяти полос на экране теперь отходили тонкие вертикальные засечки: программа пыталась совместить их по общему эталону и каждый раз получала слегка иной результат. Вера выключила совмещение.

Рада тем временем остановила тренировку стыковки. Грузовик ждали через десять суток, и макет его захода ежедневно проходил по навигационному стенду. Сегодня система выдала два несовместимых момента захвата.

— Настоящий корабль пока далеко, — сказала Рада. — Но упражнение испорчено. Локальные часы стенда расхождения не показывают. Ребят оставила пересчитать участок самим.

— Общая метка?

Рада назвала цифры. Вера уже могла произнести их вместе с ней.

— Возвратный модуль в упражнении оставили? — спросила она.

— Конечно. Восемнадцать кресел и багаж. Проверяем весь корабль. У меня половина смены мысленно уже застёгивает там ремни.

— Возвращаются восемнадцать?

— Пока по графику. Я ещё утром думала, куда сложить их багаж до погрузки.

Рада не пожаловалась на испорченный график. Она попросила Веру прислать любое объяснение, даже предварительное, чтобы люди не начали передавать друг другу слух, будто сломалась стыковочная чашка. Слух уже добрался до грузового склада, где приёмная смена отложила крепления для контейнеров.

Олег не звонил. Он прислал неподвижное изображение первой опоры: чёрная стойка, каменная крошка в опорной чаше, косо лежащая светлая риска. Вслед за изображением пришло: «Есть физическое перемещение. Малое. До разбирательства не трогать нагрузку».

Вера поднялась. В коридоре от вращения пола привычно потянуло вправо; она поймала поручень на повороте. К центральному переходу уже шёл Лев, худой, с мокрыми висками. Он перекинул ей через ладонь переносной считыватель.

— Общий эталон разделится на два такта. Я развёл службы по местным часам. Не удивляйся разным секундам на стенах.

— А что было первым?

— Пока всё первым. Наши журналы пользовались одной линейкой.

В невращающемся центре Вера застегнула магнитные подошвы. Притяжение Тессы было слишком слабым, чтобы позволять себе земную походку. До рабочего места Олега они добрались по поручням; Лев один раз выпустил перекладину и молча подтянулся назад за рукав Веры.

Олег стоял, прикрепившись к решётке обеими ногами. Его ладонь лежала на отключённом приводе, словно привод мог без разрешения двинуться.

— Метка на породе сдвинулась, — сказал он. — Тензодатчики спорят. Один видит, другой обнулil кусок.

Он показал запись маленькой автономной камеры, которой снимал опору во время обычной утренней подстройки. Камера не получала станционного времени. Риска сначала дрогнула, потом на панели управления за спиной Олега вспыхнул жёлтый знак общей ошибки.

— Сначала камень? — спросила Вера.

— Сначала опора. Где внутри шевельнулся камень, с этой стороны не видно.

Лев пролистал запись ещё раз. На кадре Олег только тянулся к панели, а риска уже стояла иначе.

— Разрыв небольшой, — произнёс Лев. — Сама панель тоже может показывать ошибку с задержкой.

— Может, — согласилась Вера. — Сохраним оба объяснения.

Она почувствовала, что улыбается, и убрала улыбку. Олегу предстояло проверять крепления; Нина держала клапаны на местном управлении; пятьдесят четыре человека ждали обычного дня. Но в белых полосах впервые появилось что-то, чего нельзя было исправить возвратом вчерашних настроек.

Вера отцепила одну подошву, протянула руку к поручню и задержалась.

— Олег, эту утреннюю подстройку можно повторить меньшим ходом?

Он посмотрел на её свободную ногу.

— Сначала прикрепись. Потом скажу, что можно.

2. Рабочая версия

В советном отсеке пахло укропом: Тимур нашёл для своего ящика новое место. Девять рабочих столиков окружали невысокий круглый стол, а в его центре лежало матовое стеклянное кольцо. Вера подключила повторитель, и внутри кольца зажётся короткий белый штрих.

— Это отображение записи, — предупредила она. — Здесь ничего не излучает, кроме лампы.

— Хорошо, — сказала Рада. — Тогда никто не станет выносить стол в шлюз.

Она председательствовала эту неделю и принесла из навигации часы с поцарапанным корпусом. Положила их перед собой так, чтобы циферблат видели все. За большим наклонным стеклом тянулась аграрная галерея: шесть прозрачных вертикальных колонн с густым зелёным содержимым. По стенкам поднимались пузырьки. Дальние наружные ставни были закрыты; растительный свет отражался в оконном стекле и накладывался на лица.

— Жилой обод устойчив, — начал Олег. — Первую опору заблокировал. Остальные несут обычную долю. Возвращать автоматическую подстройку до проверки не дам.

— Воздух штатный, — сказал Тимур. — Но шесть отдельных таймеров вместо одного я обслуживаю людьми. После обеда этих людей надо отпустить спать.

Лев провёл ладонью по редким волосам и разложил перед собой две схемы. Вера знала эту привычку: он мог держать сколько угодно окон на экране, но спорить любил с неподвижными листами.

— У нас девять служебных ветвей общей эталонной линии. Ошибка в её повторителе пришла по ним с разной задержкой. Программы попытались друг друга поправить и замкнули коррекцию. Отсюда рисунок.

В стеклянном кольце штрих расслоился. На матовой поверхности он выглядел гораздо спокойнее, чем утром в приёмнике.

— Если так, — продолжал Лев, — при воспроизведении журналов в изолированном вычислителе получится тот же рисунок. При разрыве общего эталона он исчезнет с приборов. Отдельный приёмник, не связанный с нашими часами, у опоры ничего подобного не запишет.

— А сдвиг? — спросил Олег.

— Обычная подстройка. Возможно, она вызвала первичный электрический бросок. Это пока самое простое объяснение, которое позволяет вернуть службы к нормальной работе.

Нина сидела боком, выставив в проход ногу. На шнурке её жилета покачивался оптический монокуляр. Она не смотрела на кольцо: изучала схему, которую Лев повернул к ней.

— Электрический бросок от чего?

— От привода, например.

— Привод ещё не включили. Олег снял остаточную нагрузку с защёлки. Тепловой слой там последние недели менялся. У меня есть другое «например»: нагретая трещина, проводящая прослойка и механический резонатор. Мы его толкнули, он нам отозвался по кабелю.

Нина достала карандаш и начертила на свободном краю листа затухающие зубцы.

— Тогда задержка будет зависеть от температуры и нагрузки. Разогрели сильнее — получили другой ответ. Повторили после остывания — вернулись к прежнему. Никакого отдельного сообщения там не требуется.

Олег взял у неё карандаш и нарисовал рядом два одинаковых толчка.

— Если один маленький, другой побольше? Поменяем местами?

— В моём простом варианте после полного сброса состояния будет один итоговый след, если итоговое воздействие одинаковое, — ответила Нина. — Но именно после сброса. Пока трещина ещё помнит нагрев в обычном смысле, я получу разные кривые без всякого хранилища.

— Значит, заранее запишем, какое остывание считаем достаточным, — сказал Лев.

— Запишем. И оставим датчик работать между опытами. У нас любят выключить прибор, когда начинается самое скучное.

Она вернула Олегу карандаш тупым концом вперёд. Он не взял: пока рисовал, успел размазать на пальце чёрное пятно и теперь рассматривал его с досадой. Тимур протянул салфетку. Чужая догадка обрастала мелкими условиями прямо на глазах Веры, становилась проверяемой и от этого гораздо менее удобной для спора.

— Эти ступени не затухают одинаково, — сказала Вера.

— Потому я и прошу сначала измерить температуру породы, а потом любоваться ступенями.

Тимур подвинул к Нине ящик, чтобы она поставила ногу удобнее. Нина убрала ногу под кресло. Рада мягко постучала ногтем по своим часам.

— Третье объяснение?

Вера остановила повторитель на последнем участке.

— Материальный узел с памятью. Мы воздействуем на породу, она сохраняет последовательность. Ответ появляется после какого-то законченного цикла. Девять частей могут принадлежать нашей разводке; число ничего не говорит о том, что находится внизу.

— Что даст отличимый результат? — спросила Рада.

— Два малых воздействия в разном порядке. Сначала одно, потом другое, и наоборот. Начальные условия одинаковые, конечные тоже. Если после достаточной выдержки ответ устойчиво зависит от порядка, версия простого резонатора становится слабее. Если в ответе вернётся особая контрольная отметка, которой прежде не было, сильнее станет версия памяти.

— Достаточной для чего выдержки? — спросила Нина.

— Для возврата измеряемых условий.

— Вот с этого и надо начинать. Камень снаружи остыл, внутри тёплый. Получишь разницу, назовёшь порядком.

Вера кивнула. Возражение было точным. Она записала его рядом со словом «контроль» и не стала стирать слово.

— Пока у меня гипотеза. Не находка.

Олег спросил, как такая вещь могла попасть под их бур. Вера ответила, что не знает и для ближайшего опыта это не требуется. Отвечая, она заметила, как легко прозвучало у неё слово «вещь». Будто наличие вещи уже установили.

Рада предложила начать с проверки Льва. Шесть человек подняли руки. Вера оставила ладонь на столе; вслед за ней не подняли рук Олег и Тимур.

— Возражения к порядку? — спросила Рада.

— К формулировке, — сказал Тимур. — Сейчас на экране написано: «Принять причиной ошибку эталона». Причину мы ещё не нашли. Я согласен дать время на проверку, но убирать местное управление галереей на основании шести рук не буду.

Олег повернул к Раде ладонь.

— У меня то же. Опору не возвращаю.

Лев сам зачеркнул строку и написал: «Первой проверить ошибку эталона».

— Так?

Тимур прочёл до конца и кивнул.

Первое решение осталось записанным вместе с голосами и поправкой. Вера была благодарна Тимуру, пока он не добавил:

— Память я вашей тоже не подарил. Там пока лишняя секунда и кривой штрих.

— Мне хватит штриха, — сказала она.

— Для заявки хватит. Для урожая нет.

Они дошли до распределения ресурсов, и кольцо на столе стало почти незаметным. Приёмник требовал тихого холодного окна. Отвод тепла у него был общим с вычислителями и аграрными колоннами. Дина предложила электрический запас; Нина покачала головой.

— Электричество у нас есть. Лишнее тепло деть некуда. Можно дать приёмнику холод и посадить вычислители на ожидание. Долго нельзя: резервный накопитель греется сам.

Лев согласился на короткую паузу. Вера попросила восемнадцать минут для более точного наблюдения; Тимур спросил, почему именно восемнадцать.

— Столько займёт цикл с контрольными участками.

— Тогда принеси мне весь цикл. По минутам. Когда перестаём снимать тепло с моих колонн, сколько они накопят и когда ты отдашь контур назад.

— Людям хватит воздуха.

— Я знаю. Баллоны и поглотители у меня посчитаны. Но мы едим то, что там растёт. Если культуры перегреть, станция будет дышать и есть запасы. Это разные графики.

Вера выпрямилась. Ей хотелось сказать, что она тоже умеет читать графики, но Тимур говорил не об этом. Она убрала из заявки восемнадцать минут. Пока оставили короткую пробу с разрывом эталонной линии и малым движением опоры, разрешённым Олегом.

После заседания Лев задержался у кольца. Вера погасила в нём запись, и он провёл пальцем по матовой кромке.

— Красиво получилось.

— Поэтому я и вывела на простую лампу. В большом масштабе уже почти можно слышать слова.

— Ты слышала?

— Вдох. Его там нет.

Лев улыбнулся устало, без облегчения.

— Хорошо, что проверила.

3. Без общего времени

Автономный приёмник оказался в синем ящике под запасными креплениями. Вера вытянула его за ремень; следом выпала пара рабочих перчаток, обе левые. Олег без комментариев убрал их обратно. У него в мастерской несовпадающие вещи жили до тех пор, пока не находилось применение каждой.

Приёмник питался от собственной батареи, хранил запись внутри и не получал станционных команд. Его обычно брали к внешним приводам искать помехи. Вера проверила пустую память, затем прочла номер батареи вслух, чтобы Олег внёс его в журнал.

— Запишем и то, как он работает до движения, — сказала она.

— И после, — добавил Олег. — Я к этой защёлке лишний раз не подхожу.

Они закрепили ящик на кронштейне возле первой опоры. Стенка шахты уходила вниз к чёрной породе. Лампы выхватывали отдельные блестящие жилки; Вера видела их с первого месяца на станции и до этого утра не задавалась вопросом, куда те продолжают. Поверхность Тессы оставалась безвоздушной, и нижняя часть опоры скрывалась за герметичным окном технической камеры. Работать с приводом можно было изнутри. Трогать породу рукой нельзя.

Лев протянул вдоль поручня сигнальный шнур, замер и втянул его обратно в катушку.

— Привычка, — сказал он. — Потом бы сами искали помеху.

Вера показала на гнездо связи приёмника. Они вместе закрыли его непроводящей заглушкой и наклеили полоску бумаги с двумя подписями. Никакой торжественности в этом не было: бумага плохо приклеивалась к холодному корпусу, Олег нашёл другой клей, а Вера держала угол, пока тот не схватился.

Из жилого обода сообщили, что местные часы служб проверены. Нина выделила приёмнику короткое холодное окно, временно остановив обработку тяжёлой вычислительной задачи. У Тимура колонны продолжали светиться ровно.

— Больше этого расхода сейчас не будет, — сказала Нина. — Время пошло с моего клапана.

Лев разомкнул общую эталонную линию. Станционные экраны перестали согласовывать секунды. Показания на одном расходились с другим на две секунды. Вера закрыла оба, чтобы не отвлекаться.

Из малого динамика доносился только голос Олега, перечислявшего положения механизма. Он работал на уменьшенном ходе: освобождал небольшую часть остаточного усилия на защёлке, затем фиксировал её снова. Ни бурение, ни перенос нагрузки на соседнюю опору в эту пробу не входили.

Вера посмотрела на автономный приёмник. Тот ничего не показывал наружу, кроме зелёной точки записи. Она вдруг остро пожалела, что не взяла модель с экраном. Ждать было труднее, когда нельзя было помочь себе хотя бы бесполезным взглядом на график.

— Удержание закончено, — сообщил Олег.

Нина вернула холодный контур. Лев ещё некоторое время держал эталон разомкнутым; отдельные местные системы спокойно жили каждая со своими секундами. Когда Олег решил снять ящик, Вера поймала себя на том, что торопится оторвать бумажную полоску. Вместо этого она поднесла её к камере, показала обе подписи и разрезала середину.

В считывателе запись открылась неровной серой линией.

Первый выброс пришёл точно во время переключения привода. Он был коротким, резким, похожим на сотни помех, с которыми Вера работала прежде. За ним тянулась пустота. Затем из серого фона вышел низкий широкий выступ с тремя неглубокими ступенями.

Вера подвинула устройство Льву.

— Видишь?

— Вижу. Пока не знаю, что.

Он увеличил масштаб, снова уменьшил, сверил режим прибора. Олег всё это время держал ладонь на своём приводе. Вере захотелось попросить его убрать руку: почему-то казалось, что прикосновение ещё может что-то изменить.

— Девяти нет, — сказал Лев.

— Здесь одна ветвь, — ответила она. — Девять были у нас.

— Не спеши. Дай исходный файл.

Они перенесли запись в изолированный считыватель, затем прочли её ещё раз прямо из прибора. Ступени остались. Задержка между толчком привода и широким выступом была больше собственной задержки регистрации. Точный путь распространения пока нельзя было восстановить: у них был один независимый пункт.

— И рисунок не совсем прежний, — сказал Лев.

— Ход другой, — напомнил Олег.

Вера попросила открыть участок до начала пробы. Они просмотрели его целиком, хотя запись почти не менялась. Малый дрейф фона был, широких выступов не было. После вращения защёлки в закреплённое положение фон снова сделался ровным. Лев отметил эти участки отдельно, чтобы при следующем просмотре их случайно не приняли за обрезанные края.

— Плохая новость: я не могу по этому сказать, когда всё началось на самом деле, — сказал он. — Хорошая: можем перестать подгонять одни часы к другим.

— Для меня обе хорошие, — ответил Олег. — Первое означает, что ты пока не будешь двигать опору по своему экрану.

Лев поднял руки. Вера сохраняла файл и лишь по отражению увидела, как они улыбнулись друг другу.

Лев сел на закреплённое откидное сиденье. Его магнитные подошвы щёлкнули слишком громко.

— Версия, что всё создали часы и программы, не проходит, — произнёс он. — Здесь физический отклик. Часть общего беспорядка по-прежнему наша. Я воспроизвёл журнал: петля коррекции дала раздвоение времени, но этих ступеней без входного импульса не получилось.

Вера ощутила короткое облегчение и тут же поняла, что в нём есть неприятная примесь победы. Лев утра не выбирал. За два часа он вернул независимое управление восьми службам и нашёл ошибку, которая действительно существовала, просто не объясняла всё.

— Значит, общую линию надо всё равно исправить, — сказала она.

— Да. Иначе следующую находку опять нарежем на девять голосов.

Олег пожал плечами.

— Название уже готово.

Вера убрала перчатки в ящик. Одна была её, другая Олега; пальцы на них отличались по длине. Она вернула чужую.

Нина встретила их у распределителя. Квадратное лицо было освещено снизу ручной лампой, седая прядь выбилась из-за уха. Она просмотрела запись, зажав монокуляр перед глазом, потом выдвинула свой график температуры.

— Во время утренней подстройки этот участок был теплее. Задержка была короче. Теперь остывал почти три часа, и выступ ушёл вправо. Пока мой резонатор держится.

— Пока держится, — согласилась Вера.

— Скажи ещё раз. Приятно звучит.

Вера засмеялась. Нина убрала монокуляр на шнурок и попросила помочь с крышкой распределителя. Из-под края выпала тонкая металлическая шайба. Лев поймал её, прежде чем та успела добраться до вентиляционной решётки.

— Сегодня у нас все на ловле, — заметила Вера.

Нина положила шайбу в нагрудный карман.

— Тут придётся ловить аккуратнее. Запасная мембрана одна.

Она показала через смотровое окошко новую серебристую пластину в теплообменнике. Её установили после планового обслуживания; старая исчерпала положенный срок. Нина постучала ногтем по раме, где крепился датчик перепада, и предупредила, что резких переключений новый узел тоже не любит.

Тимур ждал в жилом ободке с двумя кружками. Он отдал одну Вере, вторую Льву и сказал, что третьей рукой не обзавёлся, поэтому Нине придётся взять свою самой.

— Кто прав?

— Лев ошибся в полном объяснении. Нина пока не опровергнута. Я тоже, — ответила Вера.

— Хороший день у вас. Все при деле.

Он выслушал про автономную запись до конца, не перебивая, а потом попросил показать точный момент возврата холода. Нина поставила палец на журнале клапана. Тимур сравнил его со своей записью температуры колонн и убрал обе.

— Ладно. Завтрашние восемнадцать минут обсудим. Сейчас у нас корабль без трапа и кладовщик, которого шлюз не выпускает.

4. Маленькая сцена

Корабль лежал на кухонном столе брюхом вверх. Его сделали из двух списанных контейнеров для проб, сняв все маркировки. Нина пристроила по бокам складные крылья из тонкого пластика, хотя настоящему грузовику в вакууме крылья были совершенно не нужны.

— Это старый почтовый летун, — объясняла она всякому, кто спрашивал. — У него маршрут через воображение.

Кухня в этот час оставалась тихой. Работали только механическая вытяжка и водяная рубашка шкафа. До вечерней смены было полчаса. Тимур сел на скамью, расправил бумажную фигурку грузчика и обнаружил, что Вера приклеила ему кисти с обеих сторон одинаково.

— Он у тебя должен забрать ящик или отречься от него?

— Покажи.

Тимур поднял фигурку. Обе ладони были обращены наружу, а плечи стояли под таким углом, что человечек выглядел испуганным содержимым посылки.

— Самое разумное выражение для нашего снабжения, — сказала Нина.

Вера потянулась за ножницами, но Тимур отодвинул их.

— Оставим. Напишем на ящике «хрупкое». Будет бережный грузчик.

Маленький театр они начали зимой, когда Рада заметила, что встречают каждый грузовик одинаково: проверкой массы, давления, пломб и списка задержанных позиций. Сначала хотели сделать движущуюся открытку. Потом Нина принесла зубчатый механизм от ненужного таймера, Тимур вырезал пассажиров, а Вера взялась за шлюз, который при открытии должен был пропускать ровно одну фигурку.

Теперь в шлюзе застревал кладовщик. Его слишком длинный рукав цеплял внутренний край, и фигурка принималась отвешивать поклоны вместо того, чтобы сойти на трап. Нина крутила ручку, Вера смотрела в узкую щель, Тимур придерживал корпус. Когда механизм наконец отпустил кладовщика, тот чуть не улетел со стола.

— Так он и войдёт в историю, — сказал Тимур. — Первый человек, которого выслали за слишком долгое прощание.

Вера смеялась, уткнувшись лбом в край контейнера. За сегодняшний день она впервые позволила себе устать. Под короткими почти белыми волосами на затылке ныла кожа от наушника. Она сняла красно-коричневую куртку и повесила на спинку стула; в кухне было тепло.

— Отец такие сцены из упаковок делал, — сказала она. — Только у него всё стояло на месте. Я однажды привязала нитку к собаке, хотела, чтобы та выбежала. Собака снесла дом, забор и половину сада.

— Масштаб? — спросила Нина.

— Коробка из-под обуви.

— Уже тогда предпочитала сильный сигнал.

Вера нашла на внутреннем крае шлюза лишний слой бумаги и срезала его. Отец никогда не сердился на разрушенные сцены; просто просил оставить обломки до вечера, чтобы вместе понять, где оборвалась нитка. Ей нравилось думать, что эту привычку она у него сохранила. В её группах люди могли возражать старшему, и на «Уступ» она ехала в том числе ради такого устройства работы.

Тимур протянул ей фигурку.

— Рукав не режь. Он без него всю солидность потеряет. У нас один стажёр на первом инструктаже так и сказал: «Я специалист по мелким культурам, крупные поломки ко мне не относятся». Через неделю сам разбирал воздухоудку.

— Тот, который хочет уехать ближайшим рейсом?

— Их двое. Оба хотят. И правильно. Они своё сделали, дальше учиться надо там, где ещё кто-нибудь есть, кроме меня.

Он перевернул корабль, чтобы проверить ход крыльев. Одно раскрылось полностью, другое остановилось на половине.

— Ты тоже собирался на материк, — сказала Вера.

Тимур посмотрел на неё с улыбкой.

— На какой из них?

— Домой. Так у нас в семье говорили про любой большой берег.

— Собирался. Сестра прислала план новой кухни. Сказала, без меня стол ставить не будут. У них это значит, что уже поставили, но потом позволяют подвигать.

Он освободил пластиковое крыло из-под проволоки. Нина попросила не выпрямлять проволоку совсем: та служила упором. Тимур перестал тянуть и дождался, пока она покажет нужный изгиб.

Защитную стенку театра раскрасили заранее. Вера выбирала для неё тёмные цвета, какие видела в настоящих шлюзах; Тимур однажды за ужином взял кисть и нарисовал жёлтую дверь. Теперь Нина подбирала к ней ступени из обрезков упаковки.

— Такой жёлтой у нас ничего нет, — заметила Вера.

— Будет, когда откроем мастерскую, — ответил Тимур. — Я бы туда ходил. Даже без дела.

Они принялись придумывать, что продавалось бы в жёлтой мастерской, и быстро дошли до нелепого: запасные закаты, складные берега, исправные родственники. Нина отвергла родственников как предмет, не поддающийся гарантийному ремонту. Тимур так смеялся, что пришлось придержать недоклеенное крыло. Вера задержала ладонь на столе и подождала, пока он отсмеётся; листы опыта она достала только потом.

Вера разложила рядом с театром завтрашний цикл. Три листа едва помещались между крыльями и кружками. Нина вытерла стол под ними; на самом важном месте осталось влажное кольцо.

— Сначала весь предел, — сказал Тимур. — Потом ожидаемый результат.

Вера показала начало: снижение фоновых нагрузок, запись, два слабых предварительных воздействия для настройки чувствительности, основная проба. Холод к научному приёмнику уходил на восемнадцать минут. Две аграрные колонны на это время выводили из обычного освещения, уменьшая выделение тепла; третью гасили лишь на переключение. Циркуляция сохранялась. После возвращения контура шёл восстановительный участок, его контролировал Тимур.

— Основная проба сильнее сегодняшней, — заметил он.

— Иначе на фоне не различить хвост.

Нина подняла взгляд.

— Сегодня различили.

— Увидели, что он есть. Чтобы разделить ступени, нужен запас.

Вера обвела узкий участок расчёта. При таком воздействии приёмник должен был получить отчётливый отклик; с ним можно было бы отделить внутреннюю последовательность от формы теплового затухания. Она рассказала это ровно, привычно опуская промежуточные неудачные варианты. Нина наклонила лист к свету.

— Здесь расчёт для постоянной отдачи в породу. А если отдача изменится?

— Небольшое отклонение включено. Остановимся по твоему перепаду.

— Это остановка. Я спрашиваю про прогноз.

Вера помолчала.

— В полосе показан худший из рассчитанных вариантов.

Это было верно. Но рассчитаны были только варианты, в которых среда отдавала тепло прежним способом. Для перехода в другое состояние у неё не было даже надёжной верхней оценки. Вера придержала лист, чтобы он не свернулся, и посмотрела на узкую полосу. Утром эта оговорка казалась ей необходимой; сейчас хотелось сначала получить хороший след.

— И реальный перепад, без усреднения, — сказала Нина.

Вера кивнула. Тимур придвинул лист к себе.

Его условия заняли ещё пять строк. Никакого продления даже ради незаконченной записи. Запуск после проверки всех колонн, включая ту, которая неделю назад хуже отдавала тепло. Возврат контура по требованию Нины или Тимура независимо от показаний научного прибора. При потере местной записи температуры — немедленная остановка. Людей у распределителя меняют до опыта, а не во время него.

— И часы мне нужны отдельные, — сказал он.

Вера кивнула.

— Согласна.

— Не отвечай за Нину.

Она повернулась к Нине. Та ещё дочитывала нижнюю строку, двигая лист квадратными короткими пальцами.

— За меня не надо, — сказала Нина. — Я могу. Но перед пуском хочу холодную проверку переключения. С новой мембраной её делали на другом расходе.

Договорились встретиться утром раньше общей смены. Тимур подписал план после Нины, указал показания, при которых разрешал начать, и убрал свою копию в карман. Вера сложила остальные листы. Утром понадобится ясный рисунок, и впервые за день он казался ей близким: вещественным, почти доступным пальцам, как бумажная фигурка между дверями шлюза.

Нина снова повернула ручку театра. Грузчик вышел первым, выставив свои удивлённые ладони. Кладовщик сделал шаг за ним, зацепился длинным рукавом и один раз поклонился пустой кухне.

— Это уже характер, — решил Тимур.

Они не стали укорачивать рукав. Нина сходила в мастерскую и принесла механические часы с тяжёлой пружиной. Вера выбрала для них место в советном отсеке, напротив трёх колонн, которым предстояло погаснуть при переключении. Тимур проверил, виден ли циферблат с его кресла. Часы поставили чуть левее стеклянного кольца.

Нина завела пружину. Пока белый штрих повторял на стекле свой короткий путь, рядом с ним неторопливо двигалась настоящая стрелка.

5. Восемнадцать минут

Нина сняла монокуляр с глаза и повернула его линзой к жилету. Теперь она смотрела на обычную стрелку, под которой кто-то много лет назад процарапал красную черту. Вера поставила рядом механические часы. До начала оставалось несколько минут.

В советном отсеке светились три рабочих места. Остальные держали свои участки; с первого опорного узла изредка доносилось негромкое дыхание Олега. Через наклонное стекло Вера видела, как Тимур обходит прозрачные цилиндры аграрной галереи. Он коснулся ладонью наружной стенки ближайшего, проверил замок ставни и поднял голову. Вера ответила кивком, хотя сомневалась, что сквозь два освещённых стекла он различает её лицо.

— Приёмник холодный, — сказал Лев из вычислительной. — Общий эталон отсоединён. Пишем местное время.

— Запас восемнадцать минут, — напомнила Нина. — С переключениями внутри. Возвращать ферме начинаем раньше, если полезет градиент. Ты видишь эту стрелку?

— Вижу.

— Тогда не придётся искать меня на экране.

Нина ещё раз провела малое переключение без возбуждения. За стеклом на секунду переменялся блеск жидкости в нижних трубках. Тимур проверил стык новой мембраны сухой полоской бумаги, показал её Нине. Белая. Он провёл пальцем вдоль кромки, где вчера лежала временная прокладка, и убрал руку.

— Холодный переход чистый, — сказал он.

Вера смотрела, как Нина вписывает результат в графу проверки. На соседнем листе три полосы её расчёта сходились в уверенный узкий коридор. Вчера она собиралась отдельно объяснить, чего этот коридор не учитывает, но разговор свернул к физическому пределу остановки, и она позволила ему свернуть. Теперь в голове уже перешла к тому месту, где высокий ответ должен был отделиться от помех. Нина вернула ей лист.

— Температуры совпали. Теперь запомни, какими они были.

Тимур вошёл, стянул перчатку зубами и положил на стол маленькую бирку. На ней стоял номер отключаемой секции. Вера ожидала последнего возражения, но он только перевернул бирку лицом к себе и взялся за поручень кресла. За его плечом погасли три из шести зелёных цилиндров. Все три выключали по плану, но третий — лишь на переключение. Нина вела их одной ветвью; как только поток к приёмнику установился, третий снова получил свою долю холода и свет.

Вера нажала пуск часов.

За стеклом Тимур заранее оставил два свёрнутых полотенца возле контрольного лючка. Сейчас они выглядели нелепо: аккуратный тёплый отсек, герметичные трубы, ничего никогда не лилось на пол. Вера заметила, что одно полотенце взято с кухни, с выцветшей синей полоской. Тимур проследил за её взглядом.

— Потом отстираю, — сказал он. — Это я взял.

Сперва всё происходило скучно, как и полагалось хорошему опыту. Приёмник долго выбирался на нужную температуру. В белом штрихе повторителя изредка проваливался тёмный зубец. Олег на короткое время уменьшил усилие первой опоры, вернул его и подтвердил возврат. После этого Нина пропустила через наружный воротник слабую порцию тепла. Вера записала: нагрузка, тепло. Подождала положенные минуты.

Для второй предварительной пробы порядок поменяли. Сначала согрели воротник, потом Олег повторил разгрузку. Тепла между пробами ещё оставалось немного больше расчётного, но Вера видела это в записи. Чистого сравнения сейчас никто не обещал: слабые шаги нужны были, чтобы подобрать мощность основного импульса.

— Кажется, хвосты разные, — произнёс Лев.

— Сколько?

— Пока не скажу. Общая запись плывёт относительно местной.

— Оставь как есть.

У Веры под языком появился знакомый сухой вкус. Так бывало перед дальней связью, когда ещё не различаешь слова, но уже знаешь, что сквозь шум пробивается чужая станция. Она разжала пальцы. Здесь не было чужой станции. В породе что-то отвечало на их действия. Этого было достаточно, чтобы продолжать.

К двенадцатой минуте слабый след вытянулся на экране, как царапина. Пульс из электрического возбуждающего кольца проходил через проводящий слой возле опоры. По расчёту Веры увеличение импульса должно было поднять ответ над шумом; самый узкий участок приёмника получил холод, взятый у фермы. Нина заранее ограничила подводимую мощность, и Вера не могла выйти за эту границу даже по ошибке.

— Основной, — сказала она.

— Четыре минуты устойчивого режима, потом возврат, — ответила Нина. — Запас на возврат не твой.

Вера подтвердила. Дина включила отдельную шину возбуждения. Световой штрих сделался ярче, начал делиться на тонкие соседние линии. Вера придвинулась. Чужой рисунок как будто терпеливо разворачивался из самого себя: за коротким передним краем шла пологая ступень, потом ещё одна. Ни один предварительный импульс не давал такого хвоста.

Олег первым произнёс:

— Первая опора держит заданное. Местный датчик показывает добавочную подвижку слоя.

Нина снова надела монокуляр. Стрелка возле её локтя поднялась. На расчёте Веры тепловая отдача воротника к этому моменту должна была выровняться. Вместо этого контур принимал всё больше тепла. Сам возбуждающий блок продолжал потреблять ровно столько, сколько ему разрешили, но нагретый участок породы уже отвечал иначе.

— Состояние ушло, — сказала Нина. — Вера, снимай запись, возврат.

— Здесь начинается повтор. Один хвост.

— Возврат.

Вера могла закончить запись прямо сейчас. Палец лежал над кнопкой, и она видела возле него собственную коротко обрезанную ногтевую пластину. В белой линии возникла впадина. За ней ждала ещё одна ступень. Если поймать её целиком, можно будет отделить последовательность от обычного затухающего толчка. Нужны были считанные секунды.

— Дай дойти до вершины.

Нина опустила ладонь на механическую рукоять. Повторитель посерел раньше, чем Вера договорила. Шина возбуждения разомкнулась, приёмник ушёл из узкого режима. В наушнике Дина подтвердила отключение. Олег сообщил, что подвижка остановилась. Часы отсчитывали семнадцатую минуту.

Из-за стекла донёсся сухой щелчок. Тимур уже стоял. На нижнем торце второго цилиндра заморгала местная лампочка, которая не зависела от общей линии. Свет в третьем цилиндре, ненадолго погасший при обратном переключении, вернулся. Два остальных оставались тёмными.

— Перепад в переходнике, — сказала Нина. — Ася, закрывай малую перемычку. Тимур, входной клапан второго. Руками, пожалуйста.

Он выбежал. Вера шагнула за ним, но Нина коротко качнула головой. Между её пальцами дрожал подвесной монокуляр. Поручни и стол гудели по-разному; из галереи шёл тонкий звук работающего вхолостую насоса. Через несколько секунд он прекратился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.